

Змеев Лев Федорович

Чтения по врачебной истории России

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Федорович З.**
Чтения по врачебной истории России / Змеев Лев Федорович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 258 с.

ISBN 978-5-519-86260-8

ISBN 978-5-519-86260-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Ч А С Т Ъ В С Т У П И Т Е Л Ь Н А Я.

СТРАН.

ГЛАВА I. Поверхность русской равнины.—Лаврентіевская и Гуронская формации.—Силлурійская и Девонская форм.—Каменноугольная.—Пермская.—Заключение.—Вторичныя образованія, Триасъ. — Юра. — Мѣль.—Третичныя, Эоценъ.—Миоценъ. — Пліоценъ. Заключение. Третичныя по М. Богданову. — Четвертичныя образованія, Ледниковыя — Диллювій. — Аллювій. — Опусканіе Арало-Каспія по М. Богданову	5
ГЛАВА II. Климатъ.—Циклоны, вѣтры.—Изотеры и пр.—Влага, осадки.—Растительность и животность. — Тундра. — Лѣсъ. — Степь.	11
ГЛАВА III. Первобытный человѣкъ.—Погребеніе. — Его растенія, животныя и пр.—Орудія.—Вліяніе природы, пищи, одежды, жилья.—Настѣкомыя.—Охота.—Огонь. — Украшенія, амулеты. — Черепа и національность славянъ по Пѣше, Эккеръ и Анат. Богданову. — Чаша кульобская. — Чертомлыкская. — Приспособляемость переселенцевъ	14
ГЛАВА IV. Вліяніе міровыхъ и др. дѣятелей на русской равнинѣ. — Рождаемость.—Климатъ, почва, свѣтъ, теплота, воздухъ. — Вліянія на растенія и животныхъ. — Пища, напитки, жилища, трудъ. — Переживаніе и вырожденіе. . . .	22
ГЛАВА V. Болѣзненность на нашей равнинѣ. — Бактеріи. — Лихорадки.—Горячки.—Проказа, ракъ и пр.—Болѣзни вырожденія и проч.—Болѣзни дыхательныхъ органовъ.—Пищеварительныхъ.—Кровообращенія.—Мочевыхъ. — Накожныя, глазныя, женскія болѣзни.—Душевные и нервныя. — Уходъ за больнымъ. — Смертность. — Дѣтскія болѣзни и смертность	33
ГЛАВА VI. Народныя воззрѣнія на болѣзни. — Вступленіе. — Процессъ мышленія первобытнаго человѣка. — Почему человѣкъ вѣрилъ въ слово. — Сравнительное общеславянское званіе болей, частей тѣла. — Названія болѣзней: сумасшествія, нервныхъ, глаза, уха, носа, шеи, туловища (колотья), сердца, брюха, таза, мочеполювыхъ, оконечностей, вѣшнихъ поврежденій; горячки, лихорадки, кожныя болѣзни, дѣтскія и болѣзни вырожденія. — Выводы. — Вѣшіе люди. — Народная патологія: лихорадки и повалки	39
ГЛАВА VII. Врачеваніе. — Заговоры: отъ кровотеченія, укуса змѣи, лихорадокъ, уроковъ, зубной боли. — Историческій ходъ идеи лѣченія. — Заговоры: отъ	

грыжъ, колотья, утива, усоей, древнихъ нервныхъ болѣзней, волоса, ногтя и пр., коросты и золотухи, жабы, дѣтскихъ и жепскихъ болѣзней, глазныхъ бол. и заговоры при собираніи травъ	62
---	----

ГЛАВА VIII. Врачебники на Руси.—Ихъ исторія.—Ихъ составъ.—Выводы .	89
--	----

Ч А С Т Ь II.

Очеркъ исторіи русскаго врачевства отъ первыхъ временъ до единогодержавія Петра I.

ГЛАВА I. Доисторическое время	99
ГЛАВА II. Новгородско-кіевское время.	105
ГЛАВА III. Владиміро-суздальское время	119
ГЛАВА IV. Московская княжеская Русь	132
ГЛАВА V. Русь московская государственная. Шестнадцатый вѣкъ.	141
ГЛАВА VI. Попытка очертить врачебное дѣло въ Россіи въ XVII вѣкѣ (до единогодержавія Петра). Источники. — Общее вступленіе. — Царствованіе Михаила Ѳеодоровича кратко.—Бытъ и сословія при Алексѣѣ Михайловичѣ. — Общее образованіе, школы. — Врачебная словесность вѣка. — Врачебная школа. — Ея выученики и частныхъ лицъ. — Иноземное вліяніе и врачи. — Знанія иноземныхъ и русскихъ лѣкарей. — Рядъ врачебныхъ чиновъ, его службы, рангъ, практика и жалованіе. — Доктора при дворѣ и лѣкаря въ полкахъ. — Одежда. — Плата. — Лѣкарства и аптекаря. — Сады. — Помясы. — Аптека. — Аптекарскій приказъ и волокита. — Аптекарская палата. — Архіатеръ. — Петровскія реформы приказа. — Монополія аптекъ. — Судебная медицина и медицинская полиція. — Больницы. — Повальные болѣзни. — Научно-врачебныя знанія а) въ Европѣ, б) въ Россіи иноземныхъ и русскихъ врачей. — Осмотры. — Краткое впечатлѣніе всего пройденнаго. — Связь съ предъидущимъ и послѣдующимъ вѣками	182

Кто, вступая въ жизнь, хочетъ быть совнательно и добросовѣстно дѣйствующимъ на пользу родины лицомъ, тому необходимо знать исторію (своего дѣла), чтобы не бродить ощупью и не вѣсть даромъ общественнаго хлѣба.

Естественно-историческій способъ мышленія, положенный въ основу нашего врачебнаго образованія, приучилъ васъ, мм. гг., къ точному, почти математическому и строго послѣдовательному изложенію. Не то изложеніе, напр., историческое, гдѣ строгая законченность почти невозможна. Поэтому оно можетъ быть возбудить въ васъ иногда не совѣтъ точную критику мысли. Послѣ сухаго изложенія, которое слушалось съ напряженнымъ вниманіемъ, покажутся, пожалуй, легкими мои простыя рѣчи. Но въ нихъ глубокій смыслъ! Какъ, напр., входя въ театръ среди представленія, вы не получите уже цѣльнаго впечатлѣнія, такъ не зная нашей врачебной исторіи, многое для васъ на всю жизнь останется непонятнымъ. Но говоря уже о потребности духа знать исторію родины. Мнѣ первому въ Россіи посчастливилось начать чтенія по нашей врачебной исторіи въ Академіи и потому уже вы поймете, что они далеки отъ совершенства.

Взглянемъ молькомъ, какъ писалась исторія (т. е. на исторіеграфію)? Никто и до сихъ поръ не умѣлъ такъ высоко-художественно соединить необыкновенную простоту съ законченностію и драматизмомъ въ своемъ разсказѣ, какъ отецъ исторіи Геродотъ (V в. до Р. Хр.). Зато стройное въ частяхъ и законченное въ цѣломъ изящное изложеніе лишь того, что видѣлъ самъ, ярко выдвигаетъ Оукидита. Если первый поэтический разсказчикъ, то второй политическій наставникъ и мудрецъ. Вѣрность сужденія, сила изображенія, высота мысли, образность лицъ не подражаемы. Его пойметъ не каждый. Ксенофонтъ ужъ человѣкъ партіи (спартанецъ), у него нѣтъ широкаго государственнаго взгляда и пластичности образовъ Оукидита, зато слогъ безупреченъ. Вблизи къ нему и Плутархъ (50—120 по Р. Хр.). Греческіе историки старались возбуждать любовь къ отечеству и свободѣ.

Напротивъ, римскіе историки давали героевъ. Самую лучшую часть изложенія Тита Ливія (р. 59 по Р. Хр.) составляютъ рѣчи его дѣятелей. Красота и вѣрность картинъ неподражаемы. Саллюстій хотѣлъ быть историкомъ, такъ сказать, разврата (югурт. войны, возмущеніе Катилл.). Вблизи къ Оукидиту изложеніе его блещетъ необыкновенной краткостію слога. И если Титъ Ливій пѣвецъ римской старины, то Саллюстій мыслитель. Записки о Гальской войнѣ Цезаря всѣмъ извѣстны. Исторія римскаго народа и лѣтописи Корнелія Тацита (р. I в. по Р. Хр.) это сплошная проповѣдь о гибели Рима отъ разврата и властолюбія цезарей. Плинія сдержаннаго гнѣва даетъ яркое освѣщеніе изображаемымъ лицамъ и событіямъ. Его увлекательные разсказы породили много подражателей его слогу и чувствамъ.

Историки IV, V и слѣд. вв., хотя и съ христіанскимъ направленіемъ, служа переходомъ къ средневѣковой исторіи, все-таки представляли, при тогдашнемъ паденіи духа, много уродливаго, пока смѣсь старой философіи и христіанской догматики переродилась въ теплую вѣру и задушевную сердечность монаховъ, составителей хроникъ, какъ Григ.

Турскій (540), Исид. Севильскій (VI в.), преподобный Вода (673), Павелъ діаконъ (730). Впрочемъ до самаго рыцарства исторія была лишь церковная — равенство всѣхъ во имя Христа. Въ то безграмотное, по историкѣ, время и они считались мудрецами.

Испанскія хроникки (основа лѣтописи), какъ образецъ рыцарства, полны боевыхъ тревогъ, борьбы съ магометанствомъ за христіанство. Онѣ развили сознаніе силы, а стало и гордость, вѣрность къ королю. Даже въ слогѣ паньность близкая къ Геродоту. А п а л а, Пу л ь г а р ь, М е н д о з а. Ихъ сравниваютъ не безъ основанія съ Ливіемъ. Французскіе лѣтописцы того времени трескучи, какъ Ф р у а с с а р ь (1337). Хроникки конца времени возрожденія уже болѣе политическія, чѣмъ церковныя.

Тогда же, какъ извѣстно, началось подражаніе древнимъ. Республиканскія понятія правились на классической свободной почвѣ Италіи. Классическая исторія, какъ Геродотъ, читалась на площадяхъ, каждый городъ имѣлъ своего историка. Первая С п и н е л л и (какъ и всѣ по латыни). Хрониксты времени возрожденія составляютъ переходъ къ временамъ Новой исторіи.

Тутъ уже историческій взглядъ развивался подъ вліяніемъ идей каждаго вѣка. Явились исторіи съ богословскимъ, юридическимъ и съ философскимъ направленіемъ — для насъ и важнымъ. В и к о (1668—1725), Гердеръ (1774), В о к л ь (1823—1862). Цѣль ихъ — изученіе общихъ законовъ развитія въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ.

Въ нашемъ вѣкѣ явилось направленіе К р и т и ч е с к о е, требующее строгаго изслѣдованія источниковъ прежде чѣмъ начать разсказъ, въ который вносятся лишь достойное, не гонясь за отдѣлкой слога. Поэтически изящнаго изложенія нѣтъ. Это больше матеріалы для исторіи. Основатель этого направленія (1817) Н и б у р ь (Римская исторія) и Ш л о с с е р ь, пересмотрѣвшій источники всей всемірной исторіи. Имъ слѣдоваль у насъ С. М. Соловьевъ. Но все это европейскія направленія (кромя греческихъ), вытекавшія изъ особенностей духа европейскихъ народовъ, выдающихся чертъ характера и міровоззрѣнія ихъ, особенностей, такъ сказать, историческаго типа развитія ихъ. И какъ таковыя, будучи неблизки славянскому духу и міросозерцанію въ твореніяхъ славянскихъ историковъ, выразились лишь подражательностію смотря по мѣрѣ усвоенія, идей Запада. Или были заурядны, или не раскрывали вполне всѣхъ явленій нашей исторической жизни, не всегда ясно понимали ее, а кладя въ основу европейскіе законы развитія, даже затѣмняли ее, хотя можетъ быть и не намѣренно.

Несравненно увлекательнѣе Х у д о ж е с т в е н н о е направленіе, когда строгое изученіе источниковъ соединяется съ изящной красотой изложенія. Первый изъ новыхъ писалъ такъ О г ю с т ь Т ь е р р и (1735 † 1856), въ его Исторіи завоеванія Англіи, лѣтописи вносятся цѣлкомъ, дѣйствующія лица говорятъ современнымъ имъ языкомъ. За нимъ пошли чуть не всѣ англійскіе историки: П р е й с к о т ь, В а ш и н г т о н ь-И р в и н г ь, М о т л е й и М а к о л е й (1800 † 59). У него лица и событія оживаютъ у васъ на глазахъ. Его Исторія Англіи это верхъ совершенства и вмѣстѣ народная эпопея. У насъ старались писать такъ Карамзинъ, Грановскій, Кудрявцевъ и Костомаровъ.

Единственная у насъ исторія медицины въ Россіи (1813), конечно, не подходитъ ни подъ критическое, ни подъ художественное направленіе. Да и то сказать, держаться, втораго направленія едва ли вполне во врачебной наукѣ и возможно, обязательная же критика, прежде чего, по моему, невозможно и художество, у насъ сильно затрудняется недостаткомъ источниковъ для древнихъ и среднихъ временъ. Но по какому бы изъ выше-сказанныхъ путей мы ни пошли, будемъ помнить: что если русская врачебная исторія имѣетъ свой смыслъ бытія, то она должна разъяснить прошедшія судьбы ея, причинную ихъ связь, вывести тѣ, такъ сказать, законы необходимости, которымъ она не могла не слѣдовать, отъ коихъ не можетъ отступитъ и въ будущемъ и къ чему по необходимости они приведутъ ее. Какъ, напр., геологу мало знать, что въ глубинѣ моря отлагается известнякъ мелкими песчинками, ему должна сказать химія отъ чего это? Физикъ скажетъ ему, что ледниковый періодъ или отъ измѣненія теплаго теченія (гольфстремъ) или отъ толъ на солицѣ въ періодъ отдѣленія попой планеты зазаставившей такимъ образомъ за

Такъ и археологу-историку долженъ сказать врачъ-физиологъ отъ чего то или другое племя (помимо бытовыхъ и другихъ условій), проходя Россію, остановилось въ ней или пѣтъ. То есть почему тотъ или другой организмъ могъ приспособиться или вѣтъ. Напр., азіатъ кочевникъ не могъ остаться въ средней Россіи, потому что переходъ разомъ отъ сухаго степнаго климата къ сырому проходно-лѣсному былъ слишкомъ рѣзокъ, чего организмъ не выдерживалъ. Почему аборигенное въ Россіи финское племя, уступая натиску славянъ, удалилось къ сѣверу, ибо, появившись само въ ледниковый періодъ, организмъ финна не могъ безнаказанно переносить азіатскаго сухаго степнаго климата, какъ рыба выпутая изъ глубинъ морскихъ, раздувается и лопается. Почему славяне сладили съ обоими климатами и потому, естественно, вытѣснили обѣ народности? Потому что продвигаясь изъ Египта-ль чрезъ Итальянскія горы или изъ Сирійскихъ степей чрезъ Кавказскія ущѣлы (самъ какъ горный уроженецъ) освоиться. Организмъ его постояннымъ приспособленіемъ выработалъ переносимость и къ теплу и къ холоду. И теперь арабъ въ своей степи чуть не замерзая валится съ верблюда въ прохладныя почви далеко до 0°. А переселяясь въ умѣренный климатъ, все первое поколѣніе преждевременно вымираетъ, большею частью отъ чахотки.

Историку мыслителю, кромѣ знакомства съ философіей исторіи и съ своимъ дѣломъ, нужно еще пониманіе народной жизни, любовь къ ней, кромѣ полнаго знакомства съ источниками и глубокое пониманіе ихъ въ необходимой зависимости отъ всего окружающаго міра. Всякій мыслящій писатель (поэтъ, историкъ тоже) черпаетъ изъ жизни помимо предшественниковъ. Поэтому cadaго нужно объяснять изъ свойствъ его народа, событій, времени, такъ какъ, понимая глубоко свое время, онъ черезъ призму его и пишетъ. Даже безпристрастный историкъ не чуждъ того. Слѣдовательно, иностранецъ, не могущій естественно чутко понимать жизнь народа, да еще пришедшаго, совсѣмъ не годится въ историки. Примеръ Ог. Тьерри. Сравните его «Завоеваніе Англіи» и «Французская революція». Двѣ вещи несомнѣримыя, не смотря на всю яркую художественность изложенія перваго. Наши западные критики, составляя толпу, которой удобнѣе двигаться по привычной колесѣ прогресса, т. е. подражать западу, чѣмъ мыслить самостоятельно, хвалятъ нашихъ писателей (даже Пушкина и Карамзина), пока они не вышли изъ подражательности, а лишь сдѣлались самобытными, стали на свои ноги, наши мудрецы не чувствуютъ даже любопытства и часто негодуютъ.

«Люди устраниваютъ свой образъ жизни сообразно своимъ потребностямъ и способу ихъ удовлетворенія», говоритъ Аристотель. Т. е. ключъ пониманія исторіи общества лежитъ въ экономической его исторіи, а не наоборотъ. «Всѣ науки родились,—говоритъ Ж. Б. Вико,—изъ общественныхъ потребностей и нуждъ народовъ и ходъ идей соотвѣтствуетъ ходу вещей».

Исходя изъ того положенія, что изъ объективныхъ наукъ (субъективными будутъ математика и логика—т. е. психическая математика), лишь химія (изучающая матерію), физика (движенію) и психологія (изучающая духъ) могутъ быть названы теоретическими, т. е. добытыя ими истины суть міровые законы (напр., въ химіи ученіе о папхъ въ соединеніяхъ, а въ физикѣ законы тяготѣнія); что всѣ остальные науки, добывая лишь частныя, на извѣстную лишь группу предметовъ распространяющіеся, законы могутъ быть лишь сравнительными; казалось бы и въ нашей наукѣ—исторіи врачевства въ Россіи—какъ и въ общей исторіи (какъ частной отрасли науки духа) долженъ быть положенъ въ основу методъ сравнительнаго изученія. Но если онъ допустимъ и дастъ хорошіе успѣхи въ общей исторіи, то въ русской врачебной, хотя и построенной на законахъ, добытыхъ общей русской исторіей, онъ мало обѣщаетъ удачи, потому что нашъ славянскій культурно-историческій типъ на столько отличенъ, даже противоположенъ европейскому, что сравненіе съ нимъ научно безплодно и скорѣе затемнитъ, чѣмъ уяснитъ наше пониманіе, а всѣ явленія общественнаго міра суть явленія національныя и съ этой одной лишь точки зрѣнія и могутъ быть изучаемы. Сравненіе (единственно возможное) могло бы быть плодотворно лишь въ естественной группѣ славянскихъ племенъ межъ собой. Но и здѣсь насъ можетъ ожидать разочарованіе, по той красогольной разницѣ въ вынесенныхъ изъ жизни

взглядовъ. Возьмемъ для примѣра народный взглядъ на врача. У сербовъ, болгаръ и даже чеховъ врачъ издавна почетная, уважаемая особа. Выйдя изъ народа, онъ счужилъ черезъ тысячи лѣтъ пронести этотъ почетъ, хотя стоялъ большею частью далеко не всегда на уровнѣ науки (врачебной), но жилъ всегда съ народомъ, дѣля его невзгоды. Оттого съ возрожденіемъ этихъ племенъ, какъ независимыхъ государствъ, на нашихъ глазахъ врачъ, усвоившій уже современную науку, сталъ, такъ сказать, сразу, впереди народа, не теряя съ нимъ вѣковой связи, покидая часто свою науку для министерскаго, напр., портфеля. У насъ не то. Будучи продуктомъ Петровскихъ реформъ, сложившись почти въ особое врачебное сословіе (цехъ, чего не было у славянъ) по европейскимъ образцамъ и хотя тоже частью изъ народа, но за своей сословностью и оевропеенное образованіемъ утратило всякую съ народомъ связь. Издревле, конечно, было по другому. Скифскаго врача уважали даже греки за науку, но скандинавскій приливъ въ Новгородъ и греческій въ Кіевъ затѣмили туземнаго врача, оставивъ прозябать на степени знахаря, но вмѣстѣ съ народомъ. Онъ бы выбился и изъ татарскаго погрома, если бы третье (европейское) теченіе окончательно не смыло его съ почвы. Съ тѣхъ поръ народъ потерялъ въ него вѣру и даже боится его. Сверху же на него смотрять, какъ на «необходимое зло» (не мои слова), а интеллигенція, какъ на прислугу. Съ другой стороны христіанство застало насъ въ томъ переходномъ состояніи міровоззрѣній, когда жреческое сословіе не успѣло еще выработаться (врачи же вездѣ были изъ жрецовъ), тѣснѣе сплотиться, слиться съ народомъ. Заговоры, повѣрья, обрядность, обычаи и пр., хотя бы при одномъ лѣченіи, вытекающія изъ всего міровоззрѣнія, составляютъ до того полное цѣлое, охватывающее всего человѣка и весь народъ, что отрѣшиться отъ какой-либо одной части народъ инстинктомъ образа не можетъ не перевернувшись вверхъ дномъ всего внутренняго міра. Возможно лишь одно — разомъ отрѣшиться отъ всего стараго. Но что возможно здраво убѣжденному уму одного человѣка, то не подъ силу общественному (состоящему изъ нѣсколькихъ поколѣній) уму. Остается ожидать, пока все отживающее міровоззрѣніе, переживъ, заглохнетъ, при содѣйствіи всепоглощающаго времени. А какъ оно складывалось десятками тысячъ лѣтъ, то едва ли потребуетъ меньше для своего окончательнаго уничтоженія. Тутъ же какъ бы нарочно всѣ заинтересованныя въ дѣлѣ стороны, не выходя въ сущность этого міроваго закона (не вѣдая, что творять), поддерживаютъ старыя убѣжденія тѣмъ, что стараются насильно дать новое, забывая, что насиліе не въ духѣ русскаго человѣка. Что же мудренаго, что народъ, не желая поступиться (пассивное сопротивленіе) своимъ внутреннимъ я, не вѣритъ и не идетъ къ официальному врачу и часто не безосновательно. Жалобы на это уклоненіе начались со времени обособленія врачебнаго сословія въ Россіи, естественны и теперь.

Во врачебную исторію входятъ много, почти обособившихся, отдѣльныхъ отраслей: исторія бывающихъ у насъ болѣзней а) всеобщихъ, б) мѣстныхъ, в) повальныхъ и припадковъ ихъ всѣхъ, — географія болѣзней съ статистикой, а теперь и демографія здороваго и больнаго человѣка; исторія лѣченія этихъ болѣзней, т. е. философскія и народныя воззрѣнія на болѣзнь и постепеннаго усовершенствованія какъ ученія о болѣзняхъ, такъ и методовъ лѣченія и пр. и все это въ зависимости отъ общаго состоянія наукъ въ странѣ; исторія быта самихъ лѣчителей, особенно стараго вѣка, лѣчебныхъ мѣстъ, законовъ врачебныхъ, судебныхъ, полицейскихъ, санитарныхъ и зависимость всего этого отъ политическаго, народнаго и др. развитія страны.

Здѣсь слѣдъ бы сказать о мѣстѣ, названіяхъ, значеніи и достоинствахъ нашихъ историческихъ источниковъ, но этимъ займется особая работа моя, теперь, къ сожалѣнію, еще не оконченная. Могу только предупредить не особенно доверяться иноземнымъ сказаніямъ о насъ. Они не хотятъ знать о нашихъ врачевствѣ. У Гезера въ «Исторіи» (изд. 1890) встрѣчаются Пироговъ, Шимановскій, да какіе то Гейфельдеры, Мандты. Тогда какъ во время полнаго разцвѣта Кильскаго университета, въ срединѣ прошлаго вѣка, тамъ былъ профессоромъ русскій — Полетика.

ЧАСТЬ ВСТУПИТЕЛЬНАЯ.

Чѣмъ больше будемъ вглядываться со всѣхъ сторонъ въ разнообразныя условія, окружающія изучаемый предметъ, тѣмъ полнѣе освѣтится онъ и тѣмъ яснѣе будетъ вліяніе каждаго изъ нихъ.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію собственно русской врачебной исторіи, остановимся на естественныхъ, бытовыхъ и другихъ близкихъ къ нимъ условіяхъ страны.

Г Л А В А I.

Поверхность русской равнины. — Лаврентіевская и Гуронская формации. — Силлурійская и Девонская форм. — Каменноугольная. — Пермская. — Заключение. — Вторичныя образованія, Триасъ. — Юра. — Мѣль. — Третичныя, Эоценъ. — Міоценъ. — Пліоценъ. Заключение. Третичныя по М. Богданову. — Четвертичныя образованія, Ледниковыя — Диллювій. — Аллювій. — Опусканіе Арало-Каспія по М. Богданову.

Часть поверхности земнаго шара, занимаемая европейской Россіей, представляетъ равнину, окаймленную вокругъ по всѣмъ границамъ возвышеніями почвы, до 100 саж., вулканическаго происхожденія. Съ сѣвера возвышенный берегъ океана и Бѣлаго моря, финляндскія горы, морской берегъ Лифляндіи, Курляндіи, Карпаты, Волынской, Днѣпровскія кряжи, Екатеринославскія высоты, Крымск. Кавказскія горы, Уральскій хребетъ ограничиваютъ русскую равнину, за самымъ малымъ исключеніемъ къ сѣверу отъ Карпатъ и къ югу отъ Урала. Средине всей равнины составляетъ плоскую возвышенность (Алаунская, Москва), до 150 саж., того же вулканическаго поднятія, слѣды котораго, не смотря на разрушеніе выстоящихъ породъ и ихъ размытіе, сохранились въ видѣ назыв. народомъ щеліей — высокихъ, прямыхъ, крутыхъ возвышенностей Олонек. губ. Отъ этой плоской возвышенности поверхность во всѣ стороны идетъ, постоянно понижаясь, до 75 саж., вплоть до пограничной возвышенной каймы, поднимающейся сразу, мѣстами (финскіе, крымскіе) уступами. А какъ на такой равнинѣ накопываніе осадковъ естественно шло равномерными слоями, то въ углубленіяхъ предгорій и скопились подпочвенныя воды, образуя болота.

Вся поверхность европейской Россіи отъ временъ мірозданія, какъ извѣстно, была покрыта моремъ, сплошной полосой отъ Ледовитаго океана до Черно-Арало-Каспійскаго. На первобытные гипсы, граппты (до 15000 сажень въ Америкѣ) Лаврентіевской коры оно осаждало вывѣтренныя и размытыя породы въ видѣ первобытныхъ же Гуронскихъ сланцевъ и шиферовъ, покрываемыхъ затѣмъ осадками силлурійскаго океана. Вулканическая дѣятельность подняла и вывела изъ моря наружу граниты въ Финляндіи, Олонек., Архангел. губ., Уральск., Кавказск. хребтахъ, въ долинахъ Днѣпра, Буга и Днѣстра. Въ гранитахъ Финляндіи и Урала находятся 2 вида мрамора, рапакиви — гнилой мраморъ, изъ него въ ледниковое время образовались валуны и руды. Тѣхъ руды и аморфный черный углеродъ, похожій на каменный уголь, найдемъ и въ гуронскихъ пластахъ тѣхъ же горъ. Въ Европѣ еще попадаются жалкіе остатки организмовъ въ гуронской фор-

маціи, а въ Россіи и тѣхъ нѣтъ. Изъ Силлурійскаго океана выстояли Фипляндія, Волинск., Кіевск., Екатер. кражи, да на востокѣ Уральскій хребетъ съ параллельнымъ ему, у Бѣлаго моря, Тиманскимъ кражемъ. Отложенія этого океана видны по Петербург., Эстлянд. и Лифлянд. губ., по Днѣстру, на Тиманск. кражѣ и Уральскихъ горахъ. Въ остальныхъ мѣстахъ они закрыты болѣе новыми пластами. Самыя древнія, такъ назыв. кембріійскіе слои синей глины, углитоваго песчаника и горячаго сланца; средніе слои песчаники; верхніе — известняки. Общая покатость слоевъ на югъ, а у береговъ уступами (террасами). Близъ г. Холмы, Псков. губ., межъ девонскими пластами, а близъ Вышняго Волочка изъ слобѣвъ каменнаго угля выступаютъ островами силлурійскіе осадки. Самые мощные изъ нихъ къ сѣверу отъ Днѣпра, утончаясь постепенно на юго-востокъ. Исна чечевицеобразная форма всего пласта по теченію Днѣпра. Ядро чечевицы известняки (25 саж. толщи), а по краямъ песчаники. Девонское море было меньше Силлурійскаго. На образованныхъ имъ такимъ образомъ берегахъ только и остались силлурійскіе пласты, непокрытые болѣе новыми слоями въ Олонец., Новгород., Петербург., Псковск., Лифл. и Курл. губ. Ярkokрасные и свѣтлозеленые известняки девонскаго отложенія тянутся по Витебск., Смоленск., Калужск., Тульск., Орлов., Воронежск., Тамбов. и Рязан. губ. Ихъ три яруса. На мелководьяхъ кварцевые песчаники, при опусканіи дна покрывавшіеся глинистыми песчаниками; на глубокихъ мѣстахъ известняки; при поднятіи дна опять отлагались глина и песчаники. Выступившія изъ моря толщи разрушались и снова отлагались на дно (У Радомы, Келец. губ., у Тиманск. кражъ, у Печеры, Вычегды и запад. Урала). Какъ на переходныхъ къ каменно-угольнымъ отложеніямъ смотрятъ геологи на Малевко-Мураевниковскіе известняки, особенно въ Рязан. и Тульск. губ.. Каменно-угольное море еще много меньше Девонскаго. Оно отступило еще болѣе на востокъ, образуя берегомъ линію, идущую изъ-за Бѣлаго моря къ юго-западу, касаясь Архангельска, южнаго берега Онежскаго озера и на уровнѣ Новгорода, повернувшись прямо на югъ, а на высотѣ Орла прямо на востокъ почти до Тамбова, потомъ опять къ югу до Новочеркасска. Обходя такимъ образомъ такъ назыв. центральную девонскую ось (125 сажениую толщ известняка выступившей суши), море охватывало Орлов., Воронеж., Харьк., Кіев. губ. Здѣсь по берегу слой песка, песчаники, обломки подлежащихъ породъ, идя къ сѣверу, къ центру, смѣнялись мергелями, мѣлу подобнымъ глубоководнымъ каменноугольнымъ известнякомъ. Въ Новгород. же и Тверск. губ., Валдайской возвышенности (145 саж.) надъ пескомъ и песчаниками отлагался известнякъ съ плохимъ каменнымъ углемъ, богатымъ сѣрнымъ колчеданомъ. Еще выше каменноугольные пласты залегали въ песчаникахъ Новгор., Моск., Тульск., Калужск. и Рязанск. губ., какъ побережныхъ того моря — дальше, къ срединѣ его, угль ужъ нѣтъ — такъ какъ водоросли (ляминарии и фукоиды) лишь по берегамъ представляли роскошную растительность, въ глубинѣ же моря известняки отлагались безъ угля. Въ Донецкой возвышенности, по теченію течения Каль-Міуса, Міуса, Донца, рѣки сносили наземный лѣсъ въ заливы (лиманы), гдѣ онъ отлагался межъ водорослей, заносился пломъ, пескомъ, а водоросли уходили дальше. За ними отступали заливы, снова наполняемые сплавленными деревьями, кои снова заносился пломъ и т. д. и т. д., образуя не высокіе (25 саж.) пласты каменнаго угля по Тиманскому кражу и вдоль всего Уральского хребта. Межъ крайними выходами каменнаго угля въ Москвѣ и близъ Урала площадь покрыта пермскими отложеніями и пестрыми рухляками, а подъ ними каменноугольные породы. Пермское море было почти такой же величины. Западный берегъ его почти прямая линія съ сѣвера на югъ чрезъ Архангельскъ, Кострому, Тамбовъ, выше Новочеркасска и Ставрополя. Восточный берегъ шелъ тоже почти прямой линіей на Пермь, Оренбургъ и восточный берегъ Каспійскаго моря. Отложенія Пермскаго моря — известняки, рухляки съ богатыми мѣдными рудами по уральскимъ склонамъ (Бахлу), на Екатерининскія возвышенности, мощныя залежи каменной соли у теперяшняго Славянска, Соликамска, Солигалича, Сольвычегодска.

Слѣдовательно въ древнее время, т. е. въ первичныхъ образованіяхъ, кромѣ моря, отступавшаго или наступавшаго, отъ поднятія или опусканія дна его, дѣйствовали и вулканическія силы. Такъ еще въ девонское время на сѣверѣ Россіи огромные потоки лавы

отъ соприкосновенія (контактъ-метаморфоза) съ осадочными породами образовали стекловидные камни, яхонты, все хрустальные породы и пр. и пр. Та-же вулканическая дѣятельность продолжалась и въ каменноугольное время, какъ вышеказанныя оловоцкія щели.

Въ лаврентьевской и гуровской формацияхъ, какъ видѣли, нѣтъ остатковъ организмовъ. Въ такомъ огромномъ морѣ могла быть лишь морская живность — мягкотѣлые, при полномъ отсутствіи наземныхъ животныхъ. Въ силлурійское время это царство мягкотѣлыхъ — головоногихъ (ортоцератиты), плечеподныхъ и ракообразныхъ (трилобитовъ) самыхъ характерныхъ для силлуря, кораллы, иглокожія. Около Петербурга въ силлурійскихъ известнякахъ нерѣдка длинная прямая раковина двухъ аршинъ. Въ доловское время являются характерныя закрученныя раковины наUTILIDOVъ, гоніотидовъ. Силлурійскія мягкотѣлые исчезаютъ, замѣняясь безголовыми, но характерны для девона лишь громадныя щитоносныя рыбы. Въ каменноугольныхъ пластахъ множество мелкихъ фораминиферъ а въ пермскихъ ящеры, особенно на Уральскихъ горахъ. Фукоиды и другія водоросли встрѣчаются въ силлурійское и девонское время; а наземныхъ растений не знаемъ. Хотя нужно предполагать, что въ девонское время ихъ было не мало, такъ какъ въ каменноугольный періодъ знаемъ богатую и роскошную растительность, покрывающую все материкъ — громадныя древовидныя хвощи, папоротники, плауны на землѣ и цѣлыя лѣса водорослей въ водѣ океана у берега. Въ пермскихъ слояхъ встрѣчаемъ много меньше растительности, но отпечатки громадныхъ каламитовъ, папоротниковъ отлично сохранили пермскія руды Урала.

Вторичныя образованія:

Триасовыя пестрые мергели или пестрые рухляки залегаютъ прямо на пермской породѣ въ губ. Архангел., Вологод., Тверс., Ярослав., Костромс., Нижегород., Казан., Вятс., Пермс., Уфимс., Самар. Оренбургской и узкой полосой съ запада подъ Уральскимъ хребтомъ, уходя въ Киргизскія степи. Это мощныя толщи мергелей, песчаниковъ и глинъ, окрашенныхъ полосами въ красный, желтый и зеленый цвѣта, какъ напр., по среднему и нижнему теченію Камы. Въ Келецкой (у Радомы) губ. на нихъ лежатъ островками раковинистые известняки и пестрые песчаники, которые въ Астраханс. губ. и въ Киргизск. степи образуютъ горы — Большой и Малый Богдо — состоящія изъ чередующихся пластовъ известняка, глины и песчаника съ окаменѣлостями. Триасовыя отложенія бѣды остатками организмовъ. Въ пестрыхъ рухлякахъ попадаются куски ствола гиганскаго древовиднаго хвоща, нѣсколько прѣсноводныхъ мягкотѣлыхъ, рыбы зубы, да зубы и щетки ящера-лабиринтодона. А въ триасѣ Польши и горы Богдо встрѣчаются типичныя раковины головоногихъ цератидъ. Юрское море, обнажая болѣе и болѣе сѣверную и даже среднюю Россію идетъ прихотливымъ зигзагомъ. Омывая узкой полосой Тиханс. кряжъ, захвативши Вологод., Костромскую, часть Нижегородс., Сибир., Саратовс. губ. и затопивъ снова Моск., Рязанск., все теченіе р. Дона, Орловс., Курск., Харьк., Кіевс. (что было сушией въ каменноугольное время), Могил. губ., наводняетъ такимъ образомъ западную часть материка и сливается въ Польшѣ съ европейскимъ моремъ. Въ москов. бассейнѣ на сѣверѣ Юрское море отложило чередующіеся пласты глины, песку и мѣстами мергеля, богатаго окаменѣлостями. Слѣдовательно, это внутреннее мелководное средиземное море, потому и пески. А на югѣ и юго-востокѣ глубокое море покрывало всю Арало-Каспійскую котловину, отъ Оренбурга, весь Кавказъ, кромѣ горнаго хребта и Крымской Мѣлы (хребетъ) и отложило громадныя толщи известняка. Межъ центральной девонской осью (Днѣпровской гранитной полосы) и межъ Донецкаго кряжа Юрское море, тоже глубокое, на югѣ переходитъ въ Мѣловое, а къ сѣверу, мелѣя, постоянно къ концу юрскаго времени всеѣмъ исчезаетъ. Въ юрскихъ московск. отложеніяхъ, а главнѣе въ глинахъ нижнеюрскихъ пластовъ по берегамъ Дона много остатковъ хвощей, папоротниковъ, плауновъ. Особенно пышны тамъ цикадовыя растенія, пальмообразныя стволы (теперь лишь подъ тропиками) и немногіе хвощи. Въ среднихъ юрскихъ пластахъ почти нѣтъ остатковъ, а въ верхнихъ таже богатая растительность и много хвощей. Живность представляютъ кораллы, лучистыя, мягкотѣлые, много видовъ аммонитовъ (спиральные раковины головоногихъ) и белемниты. Очень много громадныхъ рыбообразныхъ ящеровъ-ихтіозавровъ (похожихъ на

дельфина) и плезиозавровъ. Къ началу Мѣловаго моря весь сѣверъ Россіи представлялъ сушу, а немного позднѣе и средняя Россія. Мѣлы доходятъ до 54° с. ш. Сѣверная граница Мѣловаго моря шла съ запада на востокъ чрезъ города: Вильно, Могилевъ, Орель, Воронежъ, Симбирскъ, круто загигаясь на югъ по теченію Волги много ниже Саратова. Нижнее теченіе Днѣпра, Буга и Дона представляло островъ въ этомъ морѣ. Освободивъ сѣверъ и центръ Россіи, вода какъ бы стекла къ юго западу, образовавъ сплошное море вплоть до сліянія съ Балтійскимъ. А на юго-востокѣ выстояли лишь полоски Крымскаго и Кавказскаго горныхъ хребтовъ. Вся толща мѣловыхъ отложеній состояла изъ песковъ слипшихся, въ видѣ рыхлаго песчаника, изъ мергелей да бѣлаго мѣла. По границѣ моря пески. Въ верхнихъ слояхъ ихъ часто попадаются цѣлые пласты фосфоритовъ, а въ нижнихъ жерновой камень пластами и часто гнѣздами. Фосфоритъ это песокъ, спрессованный углекислою известью, которая выщелочилась изъ костяковъ и раковинъ и, вѣроятно, по отмѣлямъ мѣловаго моря, гдѣ обычно селятся многочисленныя колоніи мягкотѣлыхъ. Далѣе къ югу моря на пескахъ былъ мѣлъ, а часто подъ нимъ мѣловой мергель не толстыми слоями. Мѣловые пласты, постоянно утолщаясь къ югу, въ Курской, напр., губерніи достигаютъ 15 саж., въ Крыму (гдѣ ужъ смытъ) и по обѣимъ склонамъ Кавказскаго хребта, гдѣ подъ нимъ мергель, пески и сродки. Остатковъ организмовъ въ мѣловыхъ — хотя самъ мѣлъ почти сплошь изъ микроскопическихъ раковинъ діатомей (двустворокъ?) — отложеніяхъ много меньше, такъ какъ мелководныя осадки состоятъ, большей частью, изъ песковъ, кои очень плохо сохраняютъ. Въ бѣломъ мѣлѣ и на глубинѣ мало остатковъ, встрѣчаются лишь въ рухлякѣ и фосфоритахъ. Въ самыхъ нижнихъ песчаникахъ у г. Кулина найдено нѣсколько видовъ напоротниковъ, хвощи, цикадовыхъ. хвощи, губки, коралловъ, мягкотѣлыхъ, особенно устрицовыхъ, немного аммонитовъ, остатковъ ящеровъ, да въ нижнемѣловыхъ песчаникахъ много акулъ.

Третичныя образованія:

Эоценъ. Въ средней и южной Россіи бѣлый мѣлъ прикрытъ толщами песчаниковъ и песчано-глинистыхъ отложеній. Растительность и живность въ нихъ переходныя. Отъ праваго берега Волги широкой полосой (между Симбирска и Царицына) тянутся эти отложенія до Днѣпра и за него, теряясь въ олигоценѣ Литвы. Съ сѣвера они ограничиваются древними, мѣловыми, юрскими, каменноугольными и девонскими осадками, а на югѣ скрываются подъ новыми, исключая Донецкаго края. До Чернаго моря эоценовые осадки не доходятъ. Кажется, эоценовое море было мелководнымъ средиземнымъ, судя по микроскопическимъ растительнымъ и животнымъ остаткамъ, которые на востокъ по Волгѣ, Дону и Донцу суть угасающіе мѣловые, а на западѣ, у Днѣпра чисто эоценовые. Вѣроятно послѣ отложенія въ глубокое море мѣла, дно морское поднялось и на него оселъ мелководный эоценъ. Ко времени міоцена эоценовое море уже высохло, т. е. вся сѣверная часть мѣловаго моря вплоть до южной черты острова того моря образуемаго нижнимъ теченіемъ Дона, Днѣпра и Буга, т. е. линіи Херсонъ-Черкасскъ. Въ Крыму и на Кавказѣ осѣли известняки на днѣ глубокаго эоценоваго моря, покрывавшаго большую часть южной Европы до Гималаевъ въ Азіи, въ Китаѣ и Японіи. Эти пумулитовые известняки получились отъ раковинъ корненожекъ и названы по сходству ихъ съ монетой. Олигоценъ, лишь въ Польшѣ, Литвѣ и Курляндіи, состоитъ изъ песчаноглинистыхъ осадковъ, содержащихъ пласты бурого угля и янтара. Эоценъ и олигоценъ составляютъ нижній ярусъ третичныхъ образованій — эогенъ, а міоценъ и пліоценъ составляютъ верхній ярусъ — неогенъ. Сѣверной границей Міоценоваго моря шла выше-сказанная линія Херсонъ-Черкасскъ, приподнимаясь лишь къ западу по теченію Буга и Днѣстра по широкой полосой до Вѣнскаго моря, а на юго-востокѣ она доходила до уровня почти Оренбурга, сливаясь съ Арало-Каспійскимъ моремъ. Южный берегъ Чернаго моря уже образовался. Налѣво оно узкой полосой, между Балканъ и Карпатъ, сливалось съ Болгарск. и Румынск., а направо сливалось съ міоценомъ Донецкаго края огибая широкой уже полосой Кавказскій хребетъ. Суша Кавказа, въ видѣ острова, доходила почти до Азовскаго моря. Южная половина Крыма тоже уже выстояла островомъ. Хотя этимъ была обязана болѣе вулканической дѣятельности мѣловаго еще время, когда образовались